

ВОЗМОЖНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ И РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ

У статті розглядаються стан економічної науки в умовах фінансової світової кризи 2008–2009 гг., точка зору неокласики, кейнсіанства, інституціоналізму на проблеми кризису, досліджуються можливості розвитку економічної науки та економіки. Стосовно російських умов дається теоретичний аналіз проблем модернізації як способу економічного розвитку, а також обговорюються умови для розробки спільної теорії економічного розвитку.

В статье рассматриваются состояние экономической науки в условиях финансового мирового кризиса 2008–2009 гг., точка зрения неоклассики, кейнсианства, институционализма на проблемы кризиса, исследуются возможности развития экономической науки и экономики. Применительно к российским условиям даётся теоретический анализ проблем модернизации как способа экономического развития, а также обсуждаются условия для разработки общей теории экономического развития.

The article discussed condition of economic science to financial world crisis 2008–2009, show view point keynesian theory, neo-classical theory, neo-shumpeterian economic theory and institutionalism for problems modern crisis, researching possibilities of development economic science and economy. For Russian economy giving theoretical analysis the problems of modernization how method of economic development, and discussed some aspect for construction of the theory of economic development.

структурная политика, модернизация экономики, кейнсианская, неоклассическая, нешумпетерианская теория, институционализм, развитие экономики, теория развития, экономический рост

1. Дискуссионность экономической науки и финансовый кризис: кейнсианство, неоклассика или институционализм?

В 1970 г. В. Леонтьев, цитируя президента эконометрического общества ВФ.Х. Хана в выступлении перед Американской экономической ассоциацией, отмечал: «Достижения экономической теории за последние два десятилетия впечатляющи и во многих отношениях великолепны. Однако нельзя отрицать, что есть что-то скандальное в спектакле, в котором множество людей занято усовершенствованием анализа экономических состояний, в отношении которых нет оснований предполагать, что они когда-либо имели или будут иметь место. Это неудовлетворительное и в какой-то степени позорное положение вещей». Мало что изменилось с тех времён. Хорошим учёным считался тот, кто решал крупные проблемы, не совершая попыток усомниться в самой системе, поскольку реализация таких попыток потребовала бы выдвинуть некие альтернативы, что не уберегло бы исследователя от нападков и обвинений относительно неудовлетворительности методологии и обоснованности. Иными словами, не ошибается тот, кто ничего не делает. Эту мысль прослеживает ещё Дж.К. Гэлбрейт в работе «Экономические теории и цели общества». Но по-

сколькo исследователю как будто не престало ошибаться, то выбирается, как правило, режим функционирования, обеспечивающий относительное спокойствие и получение научных наград. Итогом становится то, что анализу подвержены состояния, которых никто никогда не видел и практическая польза решения абстрактных задач в рамках «экономической теории классной доски» становится небольшой.

Финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. снова обнажил проблему адекватности теории и шире – экономической науки. Хотя накануне кризиса известные экономисты, такие как проф. О. Бланшар, проф. Б. Бернанке говорили о «золотом веке», «эпохе умиротворённости» в экономической науке, а ещё в 2003 г. Роберт Лукас заявил, что основные проблемы рецессии и депрессии, делового цикла являются решёнными, и наука должна обратиться к решению задач долгосрочного экономического роста. Разумеется, кризис 2008–2009 гг. уже вносит существенное изменение в планы, касающиеся развития экономической науки и общества.

Экономическая наука должна объяснять реальность, предполагать последствия тех или иных действий и решений, предлагать наиболее рациональные варианты развития. Конечно, масштабные кризисы необходимо исключить, чтобы исключить и ущерб, который они доставляют человечеству, даже если для этого понадобится исправить либо изменить базовые институты, к которым все привыкли (издержки такого исправления должны быть не выше издержек самого кризиса). Всю ответственность за кризисы не следует возлагать на экономическую науку, упрекать её в том, что она оказалась бессильной в предсказании кризиса или навешивать ярлыки какой-то одной экономической школе, которая имела сильные позиции долгие годы в правительственных кругах.

Следует обратиться к институтам, включая и институты организации самой науки, которые позволили пренебречь иными точками зрения и иными предложениями и предостережениями, а также учесть результаты структурной динамики экономической системы. Удивительно, но остаётся фактом, что современные критики, обладая Нобелевской премией по экономике, полагают, что они правы, но остаются в стереотипных представлениях о развитии экономической науки, поскольку замена доминирования одной экономической школы другой ничего не способна изменить по существу (речь идёт о критике П. Кругмана). И фискальное стимулирование в рамках кейнсианских программ – это старый рецепт экономической политики. Главный же вопрос, с моей точки зрения, должен состоять в том, почему растущая сложность экономической системы, ввергающая её в кризисы по прошествии некоторого промежутка времени, оставляет неизменной сложность правительственных мероприятий и инструментов, не предполагая более дифференцированные методы воздействия и управления экономикой. Дело не в том, что интегральные эффекты правительственных мероприятий трудно учитывать и оценивать, а действия различных ведомств накладываются друг на друга с не ясным усилением или ослаблением. Проблема состоит в том, что скорость развития экономики приобрела такую величину, что наука не успевает оценивать как саму эту скорость, так и изменение закономерностей с ней связанных. Как известно, Р. Лукас назвал антикризисный план американского президента Б. Обамы «халтурной экономикой». Причина в том, что вывод из кризиса, согласно этому плану, осуществляется за счёт кейнсианских рецептов, которые сейчас реанимируются после эпохи главенства неоллиберализма и монетаризма, но которые не способны ликвидировать долговую природу современной экономики. Выход из кризиса уже плавно происходит за счёт дальнейшего возрастания долговой экономики. Таким образом, имеем парадоксальную ситуацию, когда долговая экономика обеспечила эффект «схлопывания ликвидности», по существу, породив кризис, а преодоление кризиса сопряжено с дальнейшим развитием долговой экономики за счёт

применения методов финансового стимулирования и поддержки совокупного спроса.

Один из главных критиков чикагской школы Пол Кругман утверждает, что одна из главных причин кризиса – это крах финансовой математики, когда за правду была принята красота, облицованная убедительно выглядящими математическими выкладками. На мой взгляд, теория эффективного рынка Юджина Фама, модель CAPM, оценки долгосрочных активов, к сожалению, показали свою слабость, поскольку не учитывали два фундаментальных условия:

1. Наличие институтов и институциональных эффектов (траекторию институциональных изменений, эффективность базовых институтов, проблемы регулирования и так называемые «провалы» рынка и государства – отрицательные внешние эффекты);

2. Психологические модели агентов экономики и их изменение (иррациональность, альтруизм, эффект стадного поведения, доверие и недоверие, иррациональное расточительство и т. д.).

К тому же все современные теории финансового рынка не учитывают структурных проблем развития финансовой и производственно-технической систем экономики. Не учитывает этих обстоятельств и сам П. Кругман, предлагающий лишь реанимацию кейнсианских процедур восстановления экономики без учёта институтов и психологических моделей поведения, структурных пропорций экономической системы.

С одной стороны, и неоклассика, и кейнсианство учитывают психологию агентов при построении своих моделей. В частности теория адаптивных и рациональных ожиданий базируется на оценке разной психологической реакции агентов на те или иные регулирующие воздействия правительства. В кейнсианстве используется представление о склонности к сбережению, мотивах предпочтения ликвидности – это сугубо психологические объяснения экономических явлений, включая и такое ярко очерченное Дж.М. Кейнсом понятие, как «ликвидная ловушка». Однако, с другой стороны, указанные проявления изменяются течением времени под воздействием интегрального взаимодействия различных факторов и институциональных условий – и как это сказывается на содержании макромоделей, формируемых в рамках одного и другого направления экономической науки, не вполне понятно. Поскольку речь сегодня ведётся о том, чтобы включить финансовые рынки в макроэкономические модели, следовательно, именно ряд важнейших психологических реакций и моделей поведения рынков просто не учитываются современными макроэкономическими моделями. Это потребует изменения рамочных условий моделирования и включения инструментария институциональной теории и экономической психологии в используемые макроэкономические доктрины.

Развитие техники и технологий предполагает иную логику, чем линейное заимствование ресурса у старых комбинаций. Скорее всего, это логика высокой моды, интерспецифического ресурса (термин, введённый О. Уильямсоном), секретных разработок. Изобретательство, научная работа, осуществляемые также в условиях «старых» средств производства, тем не менее, могут давать новые комбинации. Вопрос относительно того, насколько вообще возможно, используя «старые» ресурсы, создавать новые комбинации и не понадобятся ли для этого «новые» ресурсы, имеет ответ в рамках логики совершенствования и развития техники. Ответ определяется постановкой задачи, уровнем проектной постановки. Если речь ведётся об освоении космоса, то здесь понадобились и новые комбинации средств производства, и новые комбинации интеллекта и даже управленческих решений. В начальной точке этого проекта наука дала точный ответ, что ресурсов для решения такой задачи – достаточно.

В условиях депрессии и кризиса экономики (финансового кризиса 2008–2009 гг.), когда наблюдался эффект «исчезновения» финансов, происходило

свёртывание заказов в промышленности и других секторах. В результате, фирмы, свёртывая одни технические направления работы, начинали «пробовать» освоение других технических направлений. При этом никакой переброски ресурсов не происходило – просто останавливались одни работы и заказы, сокращался персонал, но возникали какие-то новые заказы, на новых рынках при сокращении занятых и объёмов выпуска. Эти случаи нарушают принцип «созидательного разрушения». Институциональные ограничения начинают играть всё более важную роль при рассмотрении структурных проблем экономики, детерминируют межсекторный перелив ресурсов. Именно институты дают примеры отклонений от принципа «созидательного разрушения» или, по крайней мере, приводят к необходимости некой его модификации.

Однако мне хотелось бы отметить, что проблема не так проста и отнюдь не касается исключительно фискального неокейнсианского рецепта стимулирования экономики в период депрессии, что предлагает П. Кругман¹. Подлинное содержание проблемы не просто в учёте эффектов иррационального поведения агентов на рынке, их стадного поведения, паники и доверия, а также оптимистических ожиданий, провоцирующих эффект расточительства, что затем сопровождается исчерпанием ликвидности, т. е. не только и не столько в имманентной нестабильности финансовых рынков и необходимости включить финансовый сектор в макроэкономические модели, а в том, чтобы понять эффективность развития различных секторов экономики, соотношений скоростей этого развития и их взаимовлияния. Существо проблемы – в отрыве и отсутствии убедительных теоретических объяснений и вытекающих практических рекомендаций по ликвидации «разрывов» межсекторного экономического развития.

Справедливости ради отметим, что французские регуляционисты использовали метод структурного анализа для изучения проблемы кризиса капиталистической системы. А Г. Мински, например, выделял пять фаз финансово-экономического кризиса, делая при этом особый акцент на выборе между производственными и финансовыми инвестициями. К этим фазам относились: рентабельная инновация; бум (расширение инвестиций); эйфория (расширение инвестиций, рост потребности в деньгах и рост процента); извлечение прибыли (рост рисков); паника (момент Мински).

Ключевая идея Дж.М. Кейнса о том, что полное развитие финансовых систем делает ещё менее вероятным саморегулирование рыночных экономик, с одной стороны, позволяет справедливо усомниться в неоклассических рецептах преодоления кризиса, с другой – всё-таки не позволяет получить точного ответа о причинах, прогнозах и масштабе возникающих финансово-экономических потрясений. Можно задаться вопросом: а должна ли в принципе экономическая наука давать ответ на подобные вопросы?

Полагаю, что ответ требуется дать утвердительный, поскольку иначе трудно оправдать существование большого числа исследователей, создающих некий совокупный интеллектуальный продукт, который не способен снизить, либо устранить дестабилизаторы экономики, социальные последствия кризиса. Экономическая наука должна не только помогать выявлять какие-то закономерности в поведении различных агентов и подсистем экономики, но и помогать обосновывать и принимать необходимые решения, во всяком случае способствовать возникновению более ясной картины в области управления.

В России возникло два рычага. Во-первых, финансово-процентный или валютно-процентный рычаг, когда, вследствие разницы процентных ставок в России (высокая ставка) и за рубежом (низкая ставка), корпоративный и банковский сектор заимствуют финансовые ресурсы по низкой ставке, т. е. у ино-

¹Krugman P. How Did Economists Get It So Wrong? // The New York Times. – 2009. – September 2. – P. 3–8.

странных кредиторов, тем самым увеличивая внешний частный долг страны. Одновременно в силу роста этого долга возникают трудности с девальвацией, потому что если таковая будет произведена, то рублёвое выражение этого долга сразу же возрастёт, что станет непосильным бременем для деградирующего производственного сектора экономики. Вместе с тем неконкурентоспособные производства без кредита сделать конкурентоспособными нельзя. Импортная зависимость от технологий и оборудования также делает девальвацию не совсем эффективным инструментом макроэкономической политики, однако для поддержки экспортных отраслей и закрепления ресурсной зависимости девальвация выступает довольно значимой процедурой, особенно при снижении общего уровня мировых цен на энергоносители и сырьё. Занимаемый за рубежом финансовый ресурс вкладывается не в реальное производство, а в сырьевые отрасли, поскольку существует большая «вилка» по рентабельности между этими секторами не в пользу производственных секторов. Некоторая часть используется для межбанковских операций и для игры на фондовом рынке и в финансовом секторе, на рынке жилья. В западных странах разница между низким процентом и рентабельностью реальных секторов используется для развития последних за счёт предоставляемых кредитов, хотя, разумеется, дифференциация по проценту и рентабельности использовалась для построения финансовой (фондовой) и ипотечной пирамид – знаменитое правило Понци. Высокая процентная ставка в России, согласно логике денежных и финансовых властей, должна противодействовать инфляции и привлекать капиталы извне, по крайней мере, как минимум, не давать капиталам утекать. Снижение инфляции должно способствовать активизации инвестиций в высокотехнологичных отраслях хозяйства. Однако в условиях дисбаланса по рентабельности секторов высокий процент оставляет развиваться те секторы, рентабельность которых превосходит этот процент, то есть финансы, банки, энерго-сырьевой комплекс, металлургию, нефтехимию и некоторые другие. Все прочие продуктивные сферы деятельности, связанные с созданием конкретных изделий для внутреннего и внешнего рынков, при таком проценте превращаются в искусственно неэффективные. Объём контроля за внутренним рынком при этом сокращается, объём импорта аналогичной продукции возрастает, доходы и спрос сокращаются, часть агентов уходит с рынка, укрепляется монополизация экономики, механизмы провокации издержек и низкой эффективности, следовательно, расширяется основа для инфляции – внутренней и импортированной. Таким образом, возникает второй рычаг, который можно назвать «порочным кругом структурной деградации», а именно: неэффективная монополистичная структура экономики воссоздаёт высокие издержки, низкий уровень рентабельности и инвестиций, что затрудняет проведение изменений такой структуры, обеспечивая низкий уровень конкурентоспособности, низкую величину продуктовой массы на внутреннем рынке, высокую инфляцию, высокий процент и низкую рентабельность, что пролонгирует существование старой структуры и её дальнейшую деградацию.

Обратите внимание, если в экономике стало меньше денег, а процент выступает мерилем стоимости денег, то, по идее, процент должен возрасти, но если наблюдается эффект схлопывания ликвидности, потому что создано много денег и денежных обязательств, ничем не обеспеченных, то процент необходимо понизить, поскольку денег не стало не потому, что их мало, а потому что наоборот их много и они ничем не обеспечены. Причём интересно отметить, мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. не привёл ни к гиперинфляции, ни вообще к серьёзному увеличению инфляции в западных странах, да и в России, хотя процент там и там отличался в несколько раз. Важен и ещё один аргумент. В России высоко изношен основной капитал, практически полностью свернут станочный парк, механизмы возобновления основного капитала (производство, станков, машин, оборудования). Если процент отражает стоимость основного

капитала, тогда почему изношенные вещи так дорого стоят? Представьте пальто, которое носили, скажем, 30 лет, неужели его можно продать по стоимости нового пальто? Подобное поведение может наблюдаться при каких-то искусственных условиях, но с позиций объективной экономической логики оно является абсурдным.

Следовательно, либо процент не отражает стоимости основного капитала, либо он отражает стоимость некоего иного капитала, например, финансовых активов, никак не связанную со стоимостью основного капитала. Возможен, разумеется, и вариант, при котором процент не отражает стоимости никакого вида капитала. Тогда он может использоваться лишь как регулирующий инструмент инвестиционной активности, но, безусловно, в таком случае, его значение как регулирующего макроэкономического инструмента сужается. При этом важно установить, как связан процент с капиталом и какими видами капитала, либо не связан, чтобы располагать информацией о мере чувствительности влияния процента на макроэкономическую динамику. С другой стороны, какой бы ни был процент в стране, т. е. средняя процентная ставка по кредитам, можно считать, что он отражает среднюю стоимость денежного капитала, спрос и предложение которого формируются на денежно-кредитном рынке, а тот, в свою очередь, неким образом связан с основным капиталом. И здесь возникает задача определения такой связи. Часть кредитных ресурсов направляется в инвестиции в основной капитал, фактически используется для создания основного капитала и его замещения.

Если агент берёт кредит в 100 дол. под ставку в 7% годовых, то за обладание суммой в 100 дол. в первый год он платит банку 7 дол., по истечении второго года надо будет заплатить уже 14,49 дол., третьего – 22,5 дол. и т. д., при условии, что процент не изменится. Иными словами, можно говорить, что стоимость времени пользования кредитной суммой в 100 дол. определяется процентом: чем выше процент при той же кредитной сумме, тем выше стоимость времени пользования этой суммой. Так, в данном примере, один год пользования указанной суммой стоит 7 дол., два года – 14,49 дол., а три года – 22,5 дол. Рост процента с 7 до 10% со второго года, автоматически увеличит стоимость двух лет до 17,7 дол., трёх лет – до 29,47 дол.

В рамках классической теории временной структуры процентных ставок («теория ожиданий»), а также в рамках кейнсианских теорий, в частности, теории премии за ликвидность Дж. Хикса и модифицированной Ф. Модильяни теории «облюбованных мест обитания» инвесторов, которые якобы стремятся приобретать активы, срок окупаемости которых соответствовал бы сроку их собственных обязательств, речь идёт о проценте, привязанном к спросу и предложению финансовых активов, а именно – ценных бумаг. В классической теории используется непрерывная шкала ставок процента, а различия в «чистых» процентных ставках связаны с ожиданиями инвесторов, структурой государственного долга и параметрами, определяющими эти ожидания и функционирование рынка ценных бумаг. Кейнсианский подход представляет рынок высокосегментированным, а значит и доходы высоко дифференцированы в зависимости от участка рынка и периода времени функционирования. В результате изменения ставок процента на коротких интервалах не передаются на длинные интервалы, что означает слабое влияние изменений в денежной массе на ставки процента.

Высокая стоимость времени обладания деньгами, которую определяет процент, означает, что не только выгодно сразу же использовать эти деньги, но и актив, в который они будут вложены, должен обеспечить быстрый возврат, тем самым окупить вложенную сумму, а также погасить стоимость времени, в течение которого эта сумма используется на приобретение данного актива. Продолжительный срок окупаемости актива резко увеличивает срок возврата кредита

и стоимость времени обладания деньгами, так как период времени возрастает, увеличивая общую цену.

Высокий процент повышает склонность к спекулятивной игре, а не к производительной деятельности, не позволяя реализовать множества новых идей, изобретений, НИОКР и т. д. Множество агентов, привлекаемые большим процентом, также предоставляют свои деньги финансово-банковской системе, вносят их в общую игру, даже в ущерб собственному потреблению, тем самым текущие расходы становятся недостаточными, а доля сбережений в экономике поддерживается относительно высокой, но эти ресурсы инвестируются в секторы с высокой рентабельностью (включая пирамиды), направляются на обслуживание внешнего долга и др. При высоком проценте производительные секторы даже исключаются из претендентов на получение этих ресурсов, т. е., как бы исключаются из агентов спроса на кредит. В России на уровне макроэкономических агрегатов возникло интересное соотношение, когда объём денежной массы никак не влияет на инфляцию в стране и одновременно он никак не связан с процентом, а спрос на деньги, который в потенциальном измерении очень высок, финансовые власти боятся удовлетворить соответствующим предложением. Понятие «ликвидной ловушки» было введено в экономический оборот Дж.М. Кейнсом. Это ситуация, при которой рост денежной массы не вызывает снижения процента, но увеличивает избыточные денежные средства, которые не используются. Денежная политика теряет силу своего воздействия на экономику. При этом, что очень важно, рост денежной массы не оказывает влияние не только на процент, но и на объём инвестиций и на совокупный спрос. При высокой ставке процента, как в России, когда она никак не вязана с объёмом денег в экономике, также складывается ситуация, как минимум, понижения силы денежной политики, а в общем случае денежная политика становится также бессильной, поскольку структурная диспропорция «процент-рентабельность-риск» оказывает более значимое влияние на поведение агентов, чем собственно объём располагаемых ими денежных средств. Сегодня российская экономика вписана в схему: «высокий процент – низкая рентабельность – высокий риск», а для развития, на мой взгляд, нам нужна обратная пропорция: «низкий процент – высокая рентабельность – низкий риск». Причём создать такую схему в одночасье не удастся – нужна кропотливая макроэкономическая политика по выправлению межсекторных рентабельностей и понижению неоправданно высокой доходности отдельных секторов. Иными словами, от фиктивно-финансово-банковской пирамиды, валютно-фондовой пирамиды или ипотечной пирамиды, нам нужна «игра» на создании продукта, причём массового продукта внутреннего рынка, да ещё и в разных секторах, с использованием технологий широкого применения.

При анализе рецептов российской макроэкономической политики, которые даются разными экономическими школами, необходимо чётко понимать, что российская экономика является сугубо сырьевой и в настоящее время дискуссия о том, как предотвратить сырьевой сценарий развития не является актуальной, поскольку этот сценарий сформирован и де-факто функционирует сырьевая экономическая система. Другое дело, как правильно поставить задачу макроэкономической политики: имеется ли у России сырьевое или «несырьевое» будущее либо возможно ли воспроизводство передовых технологий наравне со значительной долей сырьевого экспорта? Это проблема организации технологического развития России, причём необходимо знать какое технологическое развитие имеется в виду – отдельных технологий либо массивного роста различных технологий в различных секторах с затовариванием внутреннего рынка продукцией, создаваемой на базе этих отечественных технологий.

Эволюционная экономика как направление экономической науки, в отличие от «мэйнстрима» и кейнсианства, как раз занимается проблемой влияния технологического развития на экономическую систему. Эволюционные экономисты также давно интересуются не только проблемами возникновения и развития кризисов, но пытаются понять причины, лежащие в основе кризисной капиталистической природы общества. В частности имеются работы ведущих экономистов этого направления, посвящённые анализу взаимодействия технологий и институтов (Х. Хануш, Ю. Кантнер, П. Савиотти, А. Пук, Дж. Доци, Дж. Ходжсон и др.), а также влияния инноваций на экономическую динамику (Й. Шумпетер, Х. Хануш, К. Фримен, Р. Нельсон, К. Перес и др.), исследования взаимосвязи и взаимовлияния производственных и финансовых инвестиций (Г. Мински). Вместе с тем проблема коэволюции финансового и производственного секторов, несмотря на то, что описывалась ещё К. Марксом и многократно после, в частности, серьёзный акцент на эту проблему был сделан выдающимся институционалистом Т. Вебленом, всё-таки остаётся открытой для исследования и необходимого понимания.

Эволюционная экономика и анализ, который она нам предоставляет, позволит лучше понять, как взаимодействуют финансовый, сырьевой, производственный и общественный секторы экономики, какие институты и свойства определяют такое взаимодействие и что может вызывать дестабилизацию такой межсекторной динамики. Речь необходимо вести о структурном анализе развития экономики, определении базовых пропорций и отношений между названными секторами, при этом агрегированные показатели, описывающие развитие этих секторов должны выступать в качестве главных макроэкономических показателей. Получив знания относительно специфики инноваций в каждом из секторов, условий их возникновения, тиражирования и взаимодействия, оценив направления структурных сдвигов и их причины, можно будет говорить о вкладе эволюционной науки в разрешение проблемы кризиса. Пока же современные эволюционисты не только не могут выработать единой точки зрения на причину и природу кризиса, но подстраивают свои модели под объяснение локальных проявлений без анализа базовых финансовых институтов и моделей экономической политики, которые могут быть провокаторами подобных кризисов. Тем самым, на мой взгляд, подтверждается точка зрения П. Кругмана на проблему развития финансовой математики и использование математических моделей в экономическом анализе. Кстати сказать, выдающийся институционалист Гуннар Мюрдаль высказывал абсолютно похожую мысль на применение математики в экономике, что вовсе не означает отрицания необходимости математики, а просто является вразумительным предупреждением от благоуспокоенности и излишней самоуверенности в применении математических моделей. В основном эволюционисты полагаются на идеи Й. Шумпетера, даже не предполагая, что они могут устареть или уже не отражать современные хозяйственные процессы и новые закономерности или свойства различных подсистем и технологий. Далее покажем расхождения в представлениях об экономическом и шире — общественном развитии, которые возникают в рамках экономической науки.

2. Экономическая наука в создании теории развития экономики

Экономическая наука в начале XXI в. находится в весьма сложном положении. Во-первых, ей не удаётся дать более или менее точного долгосрочного прогноза происходящих социальных изменений. Во-вторых, объяснение текущих мер экономической политики страдает явной односторонностью и сводится, в основном, к настройке кредитно-денежного и/или фискального механизма. Причём оба этих инструмента воздействия на экономическую активность

применяются без учёта кумулятивного эффекта эволюции хозяйственной системы. В-третьих, экономическая наука фактически стала жертвой глобализации уже хотя бы потому, что не только не смогла предсказать возникновение этого процесса, но и не может описать его закономерности и предполагаемые последствия. При этом многие факты общественной жизни не находят объяснения в рамках существующих теоретических доктрин. Возникает ощущение, что пересмотр международного порядка, происходящий в рамках явления глобализации, не только изменяет качество экономических отношений, но и лишает экономическую науку «методологической силы». Рекомендации экономистов становятся не просто малозначимыми, к ним просто относятся как к пустому месту. Более ценными являются резюме финансистов, банкиров, владельцев крупных корпораций, фондов и т. д. Их соображения и действия определяют характер современного экономического развития.

Причины коренятся либо в несовершенстве аналитического аппарата науки, либо в несоразмерности скорости экономических изменений и совершенствования методологических возможностей экономики как научной дисциплины. Такое состояние говорит о том, что экономическая наука испытывает трудности в описании и прогнозировании долгосрочной траектории экономического развития. Это связано с отсутствием полноценной теории развития хозяйства, под которой следует понимать не что иное, как адекватные теоретические обобщения, используемые для описания, объяснения, прогнозирования развития, а также для принятия эффективных решений. Уже сменилось несколько поколений экономистов, рассматривающих в качестве объекта исследования не «причины богатства народов», а «экономическое развитие». Однако до сих пор теоретическая база изучения этого объекта остаётся весьма слабой, что подтверждается высоким уровнем плюрализма, который допускают исследователи при освещении проблем хозяйственного развития.

Почему экономическая наука нуждается в теории развития? Что экономисты вкладывают в понятие «развитие»?

Под экономическим развитием обычно понимают процесс повышения жизненного уровня граждан какой-либо страны в результате роста доходов на душу населения. В основе так называемого сбалансированного экономического развития лежит идея одновременного изменения определённого набора параметров во всех секторах экономики. Однако на практике невозможно поддерживать такой баланс, поэтому происходит несбалансированное развитие. В последнее время приобрела популярность идея устойчивого экономического развития, сводимая к максимизации чистых доходов хозяйственной деятельности (с учётом упущенной выгоды) при минимальных потерях природных ресурсов. Возобновляемые ресурсы должны использоваться без превышения предела их регенеративной способности, а невозобновляемые — с наибольшей эффективностью, т. е. должно происходить замещение исчерпаемого ресурса неким техническим способом, заменяющим этот ресурс или сокращающим объём его эксплуатации.

Определение «экономического развития» как роста доходов на душу населения не учитывает эффекта распределения ресурсов и доходов, который способен нейтрализовать величину положительного прироста чистого дохода в экономике. Это сказывается на уровне социального развития экономики, доступа широких слоёв населения к социальным функциям и в конечном итоге на степени социальной удовлетворённости жизнью.

Понятие «устойчивого экономического развития» выглядит более точным, но научное моделирование такого развития, разработка соответствующей теории сводятся согласно определению к решению многовариантной задачи оптимизации и выбора. Экономическая эволюция необратима в силу кумуляции знаний, технологий, организационных достижений. Тогда возникает вопрос,

касающийся задач теории развития, а также её назначения. Какова методологическая и, если угодно, историческая миссия экономической теории развития: должна ли эта теория уметь описывать закономерности развития, предсказывать отдельные результаты, определять эффективную траекторию, решать текущие (промежуточные) проблемы, из которых, собственно, и состоит хозяйственная эволюция? Имеются ли у экономической науки инструменты для формирования такого разветвлённого когнитивного аппарата? Быть может, здесь превышаются возможности самой экономической науки и ограничением выступает интеллектуальная первооснова этой научной дисциплины. Она сводится к тому, что познающий индивид является субъектом экономической реальности и в результате размывается понятие объективного знания. Этому в большой степени способствует «природное» несовершенство эмпирической базы. В современной экономике наблюдается «кризис опыта» как доказательства научности знания.

Тем не менее, в создавшихся условиях возможности разработки общей теории хозяйственного развития имеются. Без теории развития экономическая наука превращается в набор аналитических инструментов с очень ограниченной областью применения: кредитно-денежное обращение, финансы, торговля, функционирование отраслей и рынков, информация, управление предприятиями и т. д. В этом случае не создаётся совокупной картины экономического генезиса и системной эволюции хозяйственных отношений. Наука перестаёт отвечать на вопрос: чего ожидать и что делать. В результате утрачивается видение социально-экономической перспективы, а локализованное применение экономического знания «по сферам деятельности» не позволяет оценить степень реализации фундаментальных целей хозяйствования на планете Земля. К ним автор относит следующие позиции:

- сохранения и поддержания жизнеспособности человеческой популяции в научно подтверждённом объёме – с точки зрения ресурсной необходимости, экологической, репродуктивной достаточности;

- обеспечения равных социальных условий и гарантий жизни представителям разных народов (доступ к достижениям науки, образования, культуры, экономическим благам широкого потребления);

- исключения самой возможности военно-политических конфликтов (экономия ресурсов) за счёт гармонизации межнациональных отношений, унификации и сглаживания проблем развития, пересмотра доктрины обязательного «экономического роста» с изменением парадигмы национальной экономической политики и отказом от проявлений власти в решении международных вопросов.

Эти цели имеют идеалистическое значение, поскольку являются ориентиром хозяйственного развития, но построение теории развития не может не принимать во внимание наличие подобных или сходных с этими целей. Искусственное объективирование хозяйственного развития, не учитывающее целей как некой программной установки, политических решений как аллокаторов ресурсов, правовых норм как мотивирующих правил и ограничений, позволит сформулировать теорию развития далёкую от, собственно, содержания развития. Первую лепту в искажение представлений о хозяйственном развитии вносят модели экономического роста. В экономической науке давно сложился неверный стереотип, который сейчас имеет малое значение, но иногда проявляется в аналитических схемах экономистов, сводимый к отождествлению экономического «развития» и «роста». Как отмечал ещё Я. Тинберген, «эти понятия совместимы друг с другом, однако не тождественны. При подобном произвольном упрощении игнорируется одна из наиболее важных черт развития: повышение благосостояния всех групп населения. Благосостояние здесь является синонимом возросшей материальной обеспеченности» (Тинберген, 1980). Понятно, что экономический рост вовсе не означает равновеликого улучшения

материальной обеспеченности всех слоёв населения, но и «развитие» в приведенной трактовке — это, по сути дела, рост, только «по всем направлениям» — группам населения. Таким образом, налицо социализация понятия «развитие», когда оно воспринимается не просто как изменение в эволюционном смысле, а как улучшающее изменение. Следовательно, происходит как бы исключение нисходящей ветви развития. Сразу отметим, что такое восприятие противоречит современным представлениям теории экономической (циклической) динамики. В результате, разработка теории развития на основе указанного определения опять сведётся к теории роста, решающей проблему увеличения материальной обеспеченности.

Экономический рост является лишь проявлением хозяйственного развития, одним из его сценариев. Поскольку экономический рост становится целью государственной политики, постольку понятие роста и мероприятия экономической политики, стимулирующей рост, институционализируются, а экономисты уже не воспринимают развития без экономического роста. В подлинном смысле развитие — есть изменение системы вообще, переход от одного качественного состояния к другому. По этой причине экономический рост предстаёт моделью развития, её вариантом. Неэкономный рост, со значительными затратами ресурсов, может не только отрицательно влиять на развитие экономики, но и тормозить его, т. е. входить в конфронтационное противоречие с фундаментальными целями хозяйственного развития. В ходе развития экономики происходит трансформация множества целей. Это важнейший элемент развития, который обязана учесть подлинная теория. И только названные фундаментальные цели на все времена незыблемы, так как контрдействия приведут к ликвидации источников жизнеспособности человеческой популяции, что автоматически лишит смысла потребность в теории развития, да и в экономической науке как таковой. Следовательно, фундаментальные цели разрешают институциональную регрессию целей экономического развития и располагаются в вершине иерархической структуры целей. Таким образом, все иные цели вытекают из обозначенных «фундаментальных» и/или должны быть с ними согласованы. Только в этом случае снижаются издержки экономического развития, а траектория в наибольшей степени отклоняется от потенциального хреодного варианта. Кстати, хреодных (неэффективных) сценариев может быть несколько. Поэтому возникает ещё одна задача теории экономического развития, которую не ставят экономисты по причине её чрезвычайной сложности и отсутствия надёжных методов решения. Это минимизация вероятности хреодного сценария развития и ранжирование предполагаемых вариантов развития по степени эффективности с целью недопущения самого неэффективного. Ведь особенностью хреодной траектории развития является её вполне «успешная реализуемость». У экономистов имеются проблемы с идентификацией этой траектории, а также с указанием мероприятий экономической политики, способных перевести экономику с одной траектории на другую при отсутствии социальных потерь.

Так, считать ли развитие акционерной собственности, которое происходило ещё в XIX в. и приобрело значительный размах в XX в., хреодным сценарием? Последствия развития данного института в настоящее время выражаются в укреплении позиций финансово-спекулятивного сектора, раздувании денежного мыльного пузыря — финансовых активов, представленных ценными бумагами (акциями) и не подкреплённых фондами реальной экономики. Это явление стало базисом процессов глобализации, где финансовым рынкам отведена роль центров власти и размывания национального суверенитета. При отсутствии данных организационных структур кредитно-денежный механизм был бы теснее связан с производственным сектором, а мировой финансовый кризис 1997 г. с провокацией валютной и финансово-экономической дестабилизации, с потерей значительных объёмов сбережений граждан стал бы невозможен. Ко-

нечно, в более явной форме проявлялись бы кризисы «перегрева» экономики. Разумеется, события экономической истории не могут пересматриваться, переоцениваться — изменить траекторию невозможно. Но проблему реструктуризации существующих финансовых и экономических организаций, в том числе международных институтов, требуется ставить и решать с учётом исторического контекста, с применением анализа исторических аналогий и оценки потенциальных возможностей развития по альтернативной нехреодной траектории. Ещё один пример социального сдвига хреодного характера касается экономики семейных отношений. В частности увеличение доходов женщины стимулирует независимость, увеличивает женскую занятость, сокращает потребность в детях, увеличивает разводы и сокращает рождаемость. Происходит коренной сдвиг в гендерной структуре общества и отношениях полов в рамках такой прежде устойчивой социальной системы, как семья. Результатом становится рост негативных трансакций, увеличиваются трансакционные издержки, трансформируются мотивации, снижается темп экономического роста. Интересно, что названное явление препятствует достижению первой фундаментальной цели общественного развития.

Таким образом, «хреодность» как будто заложена в содержание любого экономического процесса, и важны условия, при которых сработает вероятность дальнейшего развития именно по этой траектории. Возможен вариант усиления разных исходов и появление непредзаданной (случайной) траектории хозяйственного развития. Интересно то, что фактор «управление», находящийся своё воплощение в деятельности правительства и государственной политике, фактически обеспечивает как адаптацию экономических организаций к сложившемуся вектору развития, так и его переориентацию в социальном пространстве, хотя последнее обычно связано с ещё большими затратами и проявлением новых хреодных сценариев.

Теория экономического развития может ограничиваться одним фактором или одной причиной, объясняющей изменения в хозяйственной системе. Это наверняка послужит поводом для сомнений в адекватности данной теории, однако никаких логических ограничений на правомерность её существования нет. Важно то, чтобы монофакторная теория развития выделяла генератор — ядро саморазвития хозяйства. Полифакторная теория развития должна найти или предложить связь этого ядра с различными составляющими процесса развития. В данном случае ядро-генератор будет своеобразной равнодействующей всех экономических сил, определяющих качественные изменения. Например, в теории экономического развития Шумпетера таким ядром является предприниматель, выступающий инициатором инноваций в экономике.

Особая тема — это фактор времени в экономическом развитии. Для человека на сегодняшний день это невозполнимый ресурс, расходование которого сопровождается необратимыми изменениями его социально-экономической модели поведения. С общим ростом уровня благосостояния ценность ресурса времени резко возрастает, поскольку труд обладает отрицательной полезностью, а в матрице стимулов начинает преобладать социо-культурная, а не сугубо потребительская составляющая. Развитие протекает во времени и его скорость определяется выбранной шкалой времени, а точнее изменением характерных параметров в единицу времени. В ходе экономического развития возникают ситуации, при которых данные параметры испытывают специфическую динамику, отклоняясь от приемлемых значений. Так возникает экономический кризис, подлежащий предвидению для организации превентивных мер с целью предотвращения негативных последствий для национального хозяйства.

Поэтому ещё одной функцией теории хозяйственного развития выступает предсказание и преодоление кризиса хозяйства. Судя по тому, что в мире происходят кризисы, имеющие тяжёлые последствия для экономики и возникаю-

щие в достаточной степени спонтанно, говорить об успешности выполнения этой функции существующими теориями развития не приходится.

Условно выделим неэволюционный и эволюционный подход к разработке теории хозяйственного развития.

К неэволюционным теориям хозяйственного развития справедливо отнести аналитические системы, позволяющие объяснять процесс развития экономики исходя из статической схемы взаимосвязи элементов системы или параметров, описывающих её функционирование. При этом разные параметры рассматриваются в динамическом измерении, но данные теоретические конструкции не учитывают важнейших свойств развития – непрерывности и необратимости. Причина в том, что развитие отождествляется с экономическим ростом, а рост, как известно, может быть положительным и отрицательным – спад. К таким теориям можно отнести подходы, продолжающие кейнсианскую традицию применительно к развивающимся странам: теория «порочного круга нищеты», самоподдерживающегося роста, несбалансированного роста и т. д. (Leibenstein H., 1957., Nurkse R., 1955., Rostow W., 1960., Hayami Y., 1997., Gillis M., Perkins D., Roemer, 1996, Харрод Р., 1997), неоклассические модели дуализма развития (модель избыточного предложения труда У. Льюиса, модель Фей-Раниса), модель экономического роста Р. Солоу, модели накопления человеческого капитала Лукаса, Менкью-Ромера-Уэйла (Lewis W., 1959., Fei J., Ranis G., 1964., Solow R., 1956., Mankiw G., Romer D., Weil D., 1992., Lucas R., 1988.).

Каждая из моделей изучает влияние того или иного фактора развития: сбережений и инвестиций, образования, исследует структурную (в том числе межотраслевую) зависимость и её воздействие на экономический рост. Так, был установлен порочный круг развития: низкий уровень душевого дохода приводит к низкому уровню сбережений, как результат недостаток инвестиций, низкий уровень оснащения производства, производительности труда и в итоге низкий душевой доход и т. д. Обратите внимание, здесь содержится констатация «порочности развития», но не исследованы причины сложившейся ситуации – почему такая система возникает и как долго сохраняет устойчивость. Все эти подходы применимы к анализу поведения развивающихся стран и направлены на выявление только лишь причин отставания в развитии от сложившегося в западных странах эталона. «Порочный круг» или недостаток инвестиций в образование, или дуализм рынка труда являются причинами отставания. Указанные модели довольно хорошо выявляют эти причины и дальше следуют такой логике: необходимо политическими методами воздействовать на устранение названных причин, а ликвидация причин отставания будет автоматически означать улучшение условий развития. В таком случае эти модели и концепции не могут восприниматься в качестве теорий развития, поскольку они не дают ответа на кардинальный вопрос: возможно ли вообще устранить причины такого «отставания», которое является нормой современного развития мировой экономической системы?

Тот факт, что экономические монофакторные теории развития быстро утрачивали своё значение и требовали модификации, поскольку либо не объясняли происходящих изменений, либо давали неадекватные, нереализуемые рекомендации, подтверждает наличие эффекта «съедания экономического знания» темпом социального развития.

Эволюционные теории хозяйственного развития в континууме экономического знания представлены, в основном, инновационно-технологической школой в духе шумпетерианской традиции и направлением исследований экономической динамики, генетики, конъюнктуры, заложенными русским экономистом Н.Д. Кондратьевым. Своеобразную основу этих подходов составил эволюционный институционализм, описывающий развитие хозяйственной системы на основе позиции Веблена-Эйрса.

«Под развитием следует понимать лишь такие изменения хозяйственного кругооборота, которые экономика сама порождает, т. е. только случайные изменения «предоставленного самому себе», а не приводимого в движение импульсами извне народного хозяйства» (Шумпетер, 1982).

Институциональная точка зрения на развитие предельно конкретно выражена Г. Мюрдалем: «Под развитием все мы фактически понимаем движение вперед всей социальной системы» (Мюрдаль, 1968). Конечно, под «движением вперед» понимается не экономический рост, фиксируемый по изменению макроагрегатов, а повышение степени удовлетворения основных потребностей всех членов общества, главным образом, за счёт увеличения благосостояния бедных.

Определение Мюрдаля имеет весомые преимущества перед шумпетерианской трактовкой «развития», поскольку во главу угла ставит, по сути, один, но зато системный фактор эволюции, точнее фундаментальную целевую установку развития. У Шумпетера, а позже и у Кондратьева цели эволюции представлены менее конкретно, а само развитие подразделяется на части, что продиктовано аналитической необходимостью. В частности в хозяйственной системе откуда-то появляются внешние импульсы, влияющие на характер её развития. В этом случае система уже не предоставлена самой себе, следовательно, и не развивается. При этом предприниматель является внутренней частью системы, но внешние импульсы остаются неопределёнными. Развитие сводится к активности предпринимателей, реализующих новации.

Конкуренция является той средой, которая обеспечивает преобладание новых кластеров нововведений над старыми комбинациями (Шумпетер, 1982). Экономическое развитие, по Шумпетеру, предстаёт в виде процесса осуществления новых комбинаций: создания новых благ, услуг, методов производства, рынков сбыта, источников сырья, монопольного положения, проведения реорганизации. Важным элементом его теории выступает допущение, что инновация реализуется за счёт отвлечения ресурсов у консерватора в пользу предпринимателя-новатора.

Позиция Шумпетера по этому вопросу настолько авторитетна, что практически не подвергается сомнению и находит воплощение в современных исследованиях в рамках эволюционной экономики, представители которой, создав необходимые организационные структуры (Европейскую ассоциацию эволюционной экономики, Международное общество имени Шумпетера, журналы *Journal of Evolutionary Economics* и *Journal of Economic Issues* и др.), пытаются формализовать отдельные положения этой теории, не подвергая сомнению её основы. Тем самым, с одной стороны, происходит развитие эволюционных взглядов, но, с другой — общая парадигма экономического развития остаётся неизменной, на идейном уровне происходит «стабилизация Шумпетера». Подобные идеологические исходы в развитии науки довольно опасны, не говоря уже о том, что противоречат логике эволюции научного знания. В частности марксизм представляет отрицательный пример «стабилизации» экономической теории. Однако близкие к нему школы европейских марксистов, представленные работами Г. Маркузе, Дж. Ремера, Т. Адорно, М. Джиласа, успешно совершенствуют свой аналитический инструментарий, предлагая новые трактовки текущих событий. Шумпетер для эволюционных экономистов становится своеобразным Марксом только потому, что он удачно указал на ядро саморазвития экономики — предпринимателя и инновацию. К стати, неверно считать, что предприниматель есть инноватор по определению. Ему может быть свойственна и консервативная модель поведения, обеспечивающая сохранение позиций на рынке.

Идея о появлении новатора и его ведущей роли в экономическом развитии легла в основу современной эволюционной макроэкономики, которая исполь-

зует понятие макрогенерации как макроэкономической подсистемы, представляющей собой долю ВВП. Эта система обладает свойством рождаться, жить и умирать, непрерывно участвует в создании валового продукта, так что совокупность неидентичных, но родственных макрогенераций есть полный ВВП конкретного года (Маевский, 1997).

Конкуренция между макрогенерациями – это процесс перераспределения ресурсов от «старых» к «новым» макрогенерациям. Появление макрогенераций происходит по шумпетерианской схеме, то есть дискретно и в большом числе, так что «массовым появлением новых комбинаций объясняются основные черты периода подъёма» (Шумпетер, 1982) в национальном хозяйстве. Каждая макрогенерация состоит из товаров-нововведений и базисных товаров – средств производства (ресурсов). Конкуренция между генерациями сводится к борьбе за право пользования группой базисных товаров. Однако остаётся непонятным, как ВВП можно разделить на генерации (если по продуктовому признаку, то это есть реализация концепции жизненного цикла продукта-новации), какие связи существуют между генерациями, в том числе между «новыми» и «старыми». Кроме того, «новой» генерации возможно и без значительной деградации «старой» в результате расширения ресурсной базы или в связи со специфичностью новой генерации (например, «информационная» генерация). Более того, может сработать эффект преждевременного появления новой генерации, своеобразный фальстарт, что дестабилизирует экономическую систему и при определённом стечении обстоятельств спровоцирует кризис.

Таким образом, как видим, многие аспекты экономического развития не включены в эволюционную теорию, которая построена на подходе Шумпетера. Одним из центральных недостатков подобного видения эволюции является отсутствие системности в развитии хозяйства.

Эмпирические данные развития отдельных экономик в конце XX начале XXI в. говорят о том, что развитие осуществляется при сокращении инновационного сектора экономики: в России в 1999–2001 гг. наблюдалась фаза подъёма, экономика США в это же время обнаруживала рост при росте безработицы в отраслях «high tech». Разработки Шумпетера относились к первой трети двадцатого века, когда экономические системы в своей эволюции проходили фазу индустриализации. В условиях резкого увеличения доли транзакционного сектора в ВВП, развития информационной экономики и соответствующих организационных структур изменился сам характер, качество, содержание инновационной деятельности, модели поведения типа «новатор» и «консерватор». Слабая связь теории Шумпетера с макроэкономической наукой, которую подчёркивали многие экономисты, в частности, Хаберлер (Habermeler G., 1950), объясняется ещё и тем, что в макроэкономике важную роль занимает анализ безработицы, причём этот параметр выступает основным макроэкономическим показателем успешности развития и эффективности экономической политики. Очевидно, что модель «новатора» и «консерватора» – это модели активного экономического агента, то есть индивида, имеющего работу. Связать подход Шумпетера с макроэкономикой можно только рассмотрев взаимосвязи в системе «новатор-консерватор-безработный». Важно понять, что новатор может появиться из безработного, консерватора или «старого» новатора, а безработный – это всегда либо бывший новатор, либо консерватор. Поэтому экономическая политика для противодействия безработицы должна способствовать не только появлению большего числа новаторов, способствующих, по Шумпетеру, подъёму экономики, но и тех, которые могут внезапно спровоцировать спад именно в силу быстрого появления и большого числа, но также укреплению консервативной модели поведения как серьёзной гарантии против роста безработицы.

В исследовательском плане становится интересно разработать теорию системной динамики в рамках модели «новатор-консерватор-безработный», обеспечив микроэкономическую базу макроэволюции экономики.

Важно отметить, что подход Шумпетера не вполне разделял один из основателей российской эволюционной школы Н. Кондратьев, считая, что тот осуществляет ошибочное разделение экономической статики и динамики.

Действительно, по Шумпетеру, динамика обеспечивается наличием предпринимательской деятельности, приводящей к появлению новых комбинаций в экономике. Статика же связана с сохранением традиции, говоря современным языком, с консервативной моделью поведения. Однако консервативная модель динамична сама по себе, так как даже сохраняемые старые рынки испытывают динамическое изменение, например, сжатие. В реальной экономике статические состояния возможны, но они есть элементы общей динамики системы. В связи с этим абсолютизировать статику неправомерно, это только запутывает представления о подлинной эволюции хозяйственной системы.

Кондратьев утверждал, что «Шумпетер слишком узко определяет сферу приложения динамической точки зрения. По существу, для него динамическая точка зрения приложима только там, где имеются некоторые виды качественных изменений в экономической действительности, а именно виды, связанные с инициативой предпринимателей» (Кондратьев, 2002). В этой части необходимо поддержать идеи Кондратьева, а что касается введения в эволюционный процесс статики, то критику Шумпетера стоит признать неуместной, тем более что динамика системы может быть обеспечена и без появления новых комбинаций. Для того, чтобы наблюдалась хозяйственная динамика, необходимы и достаточны силовые (факторные) проявления человеческих взаимодействий. Следовательно, основу экономической динамики составляют социальные трансакции, а вот качество самой динамики обеспечивается новой комбинацией, определяемой эффективностью организации конкретных трансакций и соответствующими издержками (трансакционные издержки). Кондратьев считал точку зрения Шумпетера теоретически не плодотворной, поскольку экономическая динамика обусловлена исключительно творческой предпринимательской активностью, что как будто снижает значимость количественных изменений (в угоду качественным) и лишает исследователя возможности применить единообразный подход в области динамики.

В этом споре, научные итоги которого всё ещё не подведены, в достаточной степени уязвимы подходы обоих экономистов.

Во-первых, хозяйственная эволюция непрерывна и необратима. Данный тезис справедлив при отсутствии сильных часто появляющихся внешних воздействий, таких как, например, наводнения, землетрясения, ураганы, столкновения с космическими телами, войны и другие катастрофы. Если бы частота перечисленных событий и поражающие последствия увеличивались, то хозяйственная система приобрела совсем иную форму организации, скорее всего с преобладанием централизованных методов управления. Что касается непрерывности и необратимости эволюции, то в этом случае они стали бы функцией силового воздействия на экономику указанных явлений. Таким образом, непрерывность и необратимость хозяйственной эволюции являются отражением природно-климатического и пространственно-временного status quo на планете.

Во-вторых, необходимо учитывать, что у человеческого общества имеются три потенциально возможных ступени экономической эволюции: доэнергетическая, энергетическая, постэнергетическая. На первом этапе энергия не выступает лимитирующим фактором развития в силу примитивного состояния производительных сил общества, на втором – существуют серьёзные проблемы с энергообеспечением экономического роста. На постэнергетической ступени

энергетические возможности будем считать избыточными и не лимитирующими уровень жизни и социальную удовлетворённость населения. Безусловно, принимая во внимание релятивный характер экономического знания, нельзя требовать, чтобы теория хозяйственного развития охватывала все три этапа эволюции хозяйства. Современная теория развития соответствует энергетической фазе и должна исходить из ресурсной ограниченности и необходимости перехода к постэнергетической стадии развития мировой экономики, когда острота энергетической проблемы будет снята. Кроме того, важной функцией теории развития является получение ответа на вопрос о потенциальной возможности постэнергетической цивилизации в приведенном понимании и о задачах, стоящих перед экономикой на «энергетической» стадии.

В-третьих, предприниматель является всего лишь одним из субъектов экономики, поэтому сводить процесс эволюции к примату одного из видов хозяйственной деятельности весьма самонадеянно. В какие-то периоды на первый план могут выйти совсем иные факторы, например, организационные модификации хозяйства (реформы), изменения структуры управления, затрагивающие правовые, семейные отношения и т. д.

Вместе с тем подразделение эволюции на качественную и количественную составляющие также далеко от совершенства. Понятно, что подлинное содержание экономического развития состоит именно в качественных изменениях, которые могут иметь, а могут и не иметь количественного выражения. Всё зависит от вводимых экономистами показателей измерения качественных изменений, но эти показатели, выражающие количество, никак не связаны фундаментальной логикой развития, которая представляется только качественными (содержательными) оценками. Количественную же сторону эволюции представляют накопленные материальные запасы и культурные ценности в численном выражении. Однако в социальном смысле интерес представляет не то, что находится в запасниках, а то, как этими достижениями пользуется человеческое общество.

3. Модернизация экономики и общества как способ развития

Модернизация экономики и общества — это вне всяких сомнений системная задача. Ставя задачу именно так, безусловно, признаётся де-факто низкая системная эффективность российской общественной системы (если изменений требуют практически все общественные подсистемы одновременно, то в наличии системный кризис общества), низкая эффективность и низкий уровень жизни населения, дисфункция системы управления. Однако внесистемная постановка и отсутствие уточнения содержания такой модернизации, как и отсутствие её плана, подрывают возможность достижения необходимых результатов, да и собственно подрывают правильность понимания содержания модернизации. Например, должна ли модернизация вернуть базовые макроэкономические параметры к уровню 1990 г. и к какому сроку? Какой период должна охватывать модернизация и какую структуру экономики и общества обеспечить, создать. В зависимости от ответа на этот вопрос подлежат определению периоды или этапы модернизации, основные пропорции социально-экономической системы, которые желательны с точки зрения эффективности и долгосрочных перспектив развития государства. Все иные инструменты и мероприятия должны иметь подчиненное таким установкам и пропорциям значение. Допустим, удельный вес инноваций в общем объёме производимого дохода невелик, скажем, 0,5% или 3%, а в другой социально-экономической системе, скажем, 10%, но если при этом эти 0,5 или 3% инноваций высокоэффективны, а те 10% значительно уступают по показателю эффективности. Иными словами, на 10% требуется многократно больший ресурс, нежели на 3%, скажем в 10 раз больший, тогда

речь идёт о том, что в первом случае имеются интенсивные инновации, причём их объём в экономике не так велик, а во втором – экстенсивные инновации при большем объёме в экономике. Нужно ли осуществлять структурную модернизацию, чтобы, в частности, обеспечить количественно долю инноваций в 10%? А если прибыль от этих 10%, которые ещё и экстенсивные, вывозится, условно говоря, в «куршавель»? В чём смысл и социальное назначение таких инноваций? Вне всяких сомнений, общественные институты, технологии, уровень развития науки, техники, инженерных школ, условия создания отечественных продуктов, исходный уровень социального неравенства и даже распределение собственности влияют на инновации. В частности высокие налоги могут в одной системе быть своеобразным стимулятором инновационного развития, в другой – тормозить инновации. Кривая, отражающая связь налогов и инноваций, её вид будет определяться в целом общественным устройством, включая традиции. Ибо если общество привыкло к тому, что государство посредством высоких налогов аккумулирует финансовые ресурсы с тем, чтобы направить их по мультиплицирующим цепочкам, стимулируя возникновение инновационных производств, как в скандинавской модели, то кривая в масштабе «уровень инноваций – налоги», где по ординате отложен уровень инноваций, а по абсциссе – налоги, будет иметь положительный наклон (напоминать кривую предложения). В обратном случае наклон такой кривой будет отрицательным (напоминать кривую спроса). Вид этой кривой и чувствительность влияния налоговой системы на инновации и производство потребуют уточняющих исследований и учёта многих факторов состояния общественной системы.

Во-первых, развитие общества – это довольно общее, широкое понятие, включающее не только экономику, социальные аспекты, функционирование экологических систем, но и общественные институты, технологию, знания, правовые ограничения, политическую систему и т. д. Значительную роль в обеспечении общественного развития играет наука и техника – научно-технический прогресс. Именно эти два фактора определяют инновационный уровень экономики, а также возможности снижения либо исключения загрязнений (безотходная технология является своеобразной вершиной в решении таких задач). Безусловно, развитие науки, техники, производства, а также современных информационных технологий происходит на той или иной ресурсной базе, т. е. исходный уровень национального богатства обеспечивает условия общественного развития и во многом предопределяет его эффективность, которая в сильной степени детерминирована состоянием социально-экономических и политико-правовых институтов (транзакционные издержки). Представления о развитии современного общества должны не замыкаться на трёх составляющих – экономической, социальной и экологической, взаимосвязи между которыми исследуются не одним поколением экономистов, экологов, социологов, специалистами по теории систем. В рамках стереотипных представлений теории экономической политики указанные качественные цели, действительно, не часто фигурируют в соответствующих макроэкономических моделях, особенно неоклассического и кейнсианского типа. Однако это не означает, что данные цели не фигурируют в качестве правительственных целей в современном обществе, что они не учитываются в моделях системной динамики социально-экономических систем. Какими должны быть структурные пропорции функционирования общественной системы, какой должна быть дифференциация населения по доходу, уровню социального благополучия, знаний и квалификации внутри каждой страны, между её регионами, а также между группами стран?

Во-вторых, если пытаться дать определение общественного прогресса, то, видимо, стоит полагать, что существо общественного прогресса, следовательно, и общественного развития, состоит в таком замещении поколений людей, когда

последующее приходящее поколение по отношению к предыдущему обладало бы большими знаниями, умственными возможностями, умениями по дальнейшему наращению и использованию знаний, было более производительным, располагающим более широкими функциями и материальным достатком при сохранении (как минимум) либо приумножении элементов национального богатства. Иными словами, доктрину экономического роста можно сразу представить как рост, происходящий не за счёт сокращения национального богатства, а на основе сохранения или его приумножения. Известны в науке доктрины «роста без развития» или «обедняющего роста». Кстати, в теории «разрывов» экологическую компоненту можно учесть в виде экстернального эффекта, соответствующей прибавки в ВВП и предложить совершенно иную систему расчёта ВВП с учётом такого рода эффектов. Причём данный концептуальный подход даже не рассматривается при планировании целей экономического развития современными правительствами. При постановке задачи системной модернизации не только аспект времени, этапов, содержания каждого этапа и согласованного взаимосвязанного изменения, учитывающего взаимодействие секторов хозяйства и различных сфер жизни, должен учитываться, но и аспект необходимых пропорций, их проектирования и подбора методов и инструментов, которые были бы способны повлиять на изменение соотношений и качественное состояние общественной системы в целом. Модернизация должна вводить особое требование на систему управления страной с целью обеспечения должной эффективности, преодоления дисфункциональных состояний в управлении и в обществе.

В-третьих, многомерность общественного развития, по всей видимости, требует такого же подхода и к оценке эффективности. Открытым остаётся вопрос относительно того, необходим ли агрегированный подход, т. е. некий единственный показатель – индекс эффективности (в частности, индекс гармоничного развития и индекс эффективности) либо эффективность более целесообразно измерять набором показателей, охватывающих различные направления общественного развития. Таким образом, может существовать и существует научный подход измерения разных видов эффективности различных секторов хозяйственной системы, сфер деятельности человеческого общества, включая экологию, затраты, риски, ущерб, корректирующую оценку ВВП и т. д. и т. п. Между различными видами эффективности можно устанавливать корреляционно-регрессионные связи, исследовать вопросы взаимного влияния, структурной, системной эффективности, эффективного использования элементов национального богатства, управленческой эффективности, организационной, адаптивной (институциональной) и других видов.

Существует разветвлённая система индикаторов оценки уровня социально-экономического развития общества, в частности, экономики знаний, разработанная Организацией экономического сотрудничества и развития и Всемирным банком. Последняя включает 200 индикаторов по четырём направлениям: информационное общество, глобализация экономики, производительность и финансовая структура. Всемирный банк также применяет методику, включающую 81 показатель и охватывающую 132 страны, причём показатели включают экономику, институциональный режим, власть, инновационную систему, образование, гендерные показатели и информационно-коммуникационные технологии. Вот уже на основе этих параметров разрабатываются индексы, а именно: индекс экономики знаний и индекс знаний. По индексу знаний Россия находится примерно рядом со Словакией, Грецией, Португалией, занимая 43 место, а по индексу экономики знаний – рядом с Уругваем и Кувейтом (индекс измеряется от 0 до 10, для России индекс экономики знаний в 2005 г. был 5,98, а индекс знаний – 7,07, у Дании – 9,23 и 9,49 соответственно).

Относительно оценки эффективности общественного развития вряд ли уместно сводить её к одному показателю, например, сводя его к условным результатам развития в числителе, а в знаменателе – затратам на это развитие («финансовый расчёт» эффективности!) либо к темпу роста в краткосрочной перспективе, или темпу роста долгосрочного ВВП. Учитывая многовекторность общественного развития, оценку его эффективности, необходимо осуществлять по каждому вектор-направлению. Если обратиться к современной трактовке закона Вагнера о росте государственных расходов, то можно сказать, что экономическая эффективность потребует меньших государственных расходов, чем общественная эффективность, поскольку экономическое развитие составляет лишь элемент общественного развития, что необходимо учитывать и при оценке эффективности. Однако добавка по госрасходам тратится тогда на социальную, экологическую, институциональную, технологическую (информационную) эффективность, но это же разные и уровни, и величины эффективности – разные по содержанию эффективности. Причём каждая из видов эффективности может быть связана с тем, каково качество и структура конкретных подсистем экономики, которые потребляют эти расходы. Именно это определяет и эффективность самих расходов, и конечную экономическую эффективность, и эффективность общественного развития. Если дальнейшее наращивание государственных расходов будет приводить экономическую эффективность к снижению, а общественная эффективность при этом будет возрастать, например, с убывающим итогом, то за счёт чего может происходить рост эффективности общественного развития в принципе? За счёт социальной, экологической составляющих? Тогда этот прирост должен быть выше сокращения эффективности экономической. Совершенно не ясно, удастся ли сохранить и нарастить социальную и экологическую эффективность при снижении экономической эффективности. Кроме того, необходимо учитывать изменения в эффективности институтов, технологии, инфраструктуры, если угодно «правовую» эффективность хозяйственной системы, степень управленческой дисфункциональности системы и т. д.

Увеличение государственных расходов и расширение степени монетизации не означают эффективности того и другого мероприятия, хотя без изменений в данных инструментах бюджетной и денежно-кредитной политики вряд ли удастся обойтись. Собственно эффективность инструментов макроэкономической политики при оценке требует учёта реализации принципа Тинбергена-Тейла «цели-инструменты». Если число инструментов явно ниже числа целей, что подчеркивает нарушение принципа Тинбергена-Тейла, либо возможно достичь большего числа целей меньшим набором инструментов, например, если рост государственных расходов оказывает одновременно эффект монетизации экономики, что учитывается на уровне соответствующих макроэкономических моделей, используемых при планировании макроэкономической политики, то не факт, что цели могут быть не достигнуты, как и при выполнении принципа, можно целей не достигнуть, если содержательно инструменты не предназначены для достижения данных целей. Иными словами, речь необходимо вести о качественном наполнении мероприятий правительственной политики, причём главным условием эффективности общественного развития выступает структурная макроэкономическая политика и её планирование, причём измерять эффективность общественного развития, видимо, стоит по каждому векторному направлению, составляющему это развитие, отдельно, поскольку агрегирование здесь приведёт либо к имманентным ошибкам интегрирования в силу потери синергизма, либо просто не учтёт все необходимые аспекты, факторы, описывающие развитие общественной системы. Поэтому обозначенный здесь подход представляется наиболее приемлемым.

Список использованной литературы

1. Веблен Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. – М.: Прогресс – 1980. – 362 с.
2. Веблен Т. Теория делового предприятия / Т. Веблен. – М.: Дело, 2007. – 288 с.
3. Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем / Г.Б. Клейнер. – М.: Наука, 2004. – 240 с.
4. Коуз Р. Интервью на учредительной конференции Международного общества новой институциональной экономики. Сент-Луис, 17 сентября, 1997 / Р. Коуз // Квартальный бюллетень клуба экономистов. Вып. 4 – Минск: Прописен, 2000. – 28 с.
5. Коуз Р. Фирма. Рынок. Право / Р. Коуз. – М.: Дело, 1993. – 108 с.
6. Кругман П. Возвращение Великой депрессии? Мировой кризис глазами нобелевского лауреата / П. Кругман. – М.: Эксмо, 2009. – 336 с.
7. Нестеренко А.Н. Современное состояние и основные проблемы институционально-эволюционной теории / А.Н. Нестеренко // Вопросы экономики, № 3, 1997. – С. 42–57.
8. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – М.: ФЭК «Начала», 1997. – 180 с.
9. Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа / Д. Норт // Вопросы экономики, № 3, 1997. – С. 6–17.
10. Сухарев О.С. Институциональная экономика: теория и политика / О.С. Сухарев. – М.: Наука, 2008. – 863 с.
11. Сухарев О.С. Экономика технологического развития / О.С. Сухарев. – М.: Финансы и статистика, 2008. – 480 с.
12. Сухарев О.С. Теория эффективности экономики / О.С. Сухарев. – М.: Финансы и статистика, 2009. – 368 с.
13. Сухарев О.С. Структурные проблемы экономики России: теоретическое обоснование и практические решения / О.С. Сухарев. – М.: Финансы и статистика, 2010. – 192 с.
14. Murdal G. Value in Social Theory. – P. 52. Цитируется по: Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. – М. «Прогресс», 1968. – 600 с.
15. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты / Дж. Ходжсон. – М.: Дело, 2003. – 464 с.
16. Фуруботн Э. Институты и экономическая теория. Достижения новой институциональной экономической теории / Э. Фуруботн, Р. Рихтер. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2005. – 702 с.
17. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития / Й.А. Шумпетер. – М.: Эксмо., 2007. – 864 с.
18. Krugman P. How Did Economists Get It So Wrong? / P. Krugman // The New York Times, September 2, 2009, pp. 3–8.

Надійшло до редакції 2.02.2010.